

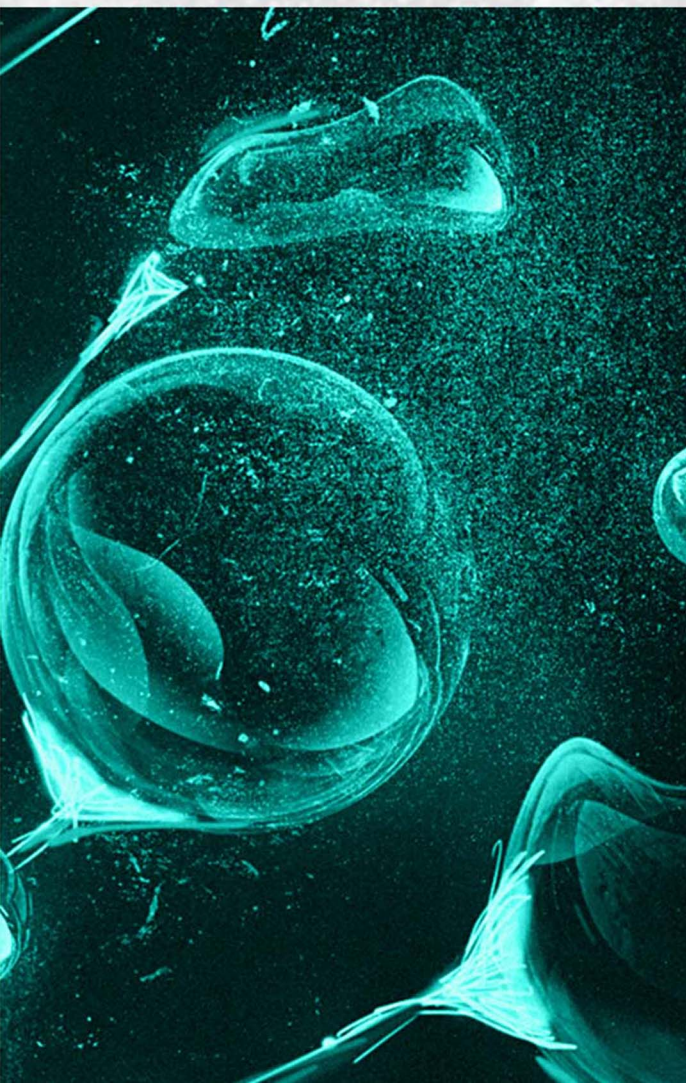

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XIX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ОКТЯБРЯ 2016 Г.

2016 № 10-6
ISSN 2413-0869

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 10, часть 6

Периодический научный сборник

*по материалам
XIX Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 октября 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 10-6

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XIX Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 октября 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, д.ю.н., проф.

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Датий Алексей Васильевич, главный научный сотрудник Московского института государственного управления и права, д.м.н.

Кондрашихин Андрей Борисович, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, д.э.н., к.т.н., проф.

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, д-р пед. наук, проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики, к.с.-х.н., с.н.с., доц.

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, к.с.н.

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Аведова Р.П., Мителева В.И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА	5
<i>Адилова Ш.Р.</i> МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА США И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ.....	9
<i>Ахметова А.Р.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭРГОНИМАХ С ЛЕКСЕМОЙ УФА	12
<i>Баматгиреева М.В.</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ...	14
<i>Блинова М.П., Маруневич О.И.</i> ЗНАЧЕНИЕ МОТИВА ТЕНИ В ПОВЕСТИ А. ШАМИССО «УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТЕРА ШЛЕМИЛЯ» И СКАЗКЕ Г.Х. АНДЕРСЕНА «ТЕНЬ»	20
<i>Блинова М.П., Чекалова А.С.</i> МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ ДЖОЗЕФА КОНРАДА «СЕРДЦЕ ТЬМЫ»	22
<i>Блинова М.П., Хатамова А.Д.</i> СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ЭКФРАСИСА В РОМАНЕ А. ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ «ФЛАМАНДСКАЯ ДОСКА».....	26
<i>Веденяпина Э.А.</i> ИСТОЧНИК ОПТИМИЗМА ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА	32
<i>Веденяпина Э.А.</i> РОМАН А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: СКАЗКА ДЛЯ ЦАРЯ	33
<i>Виноградов А.А.</i> К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРАМЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО «КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК».....	38
<i>Виноградов Д.В.</i> КИТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	44
<i>Дреева Д.М., Бетанова Д.А.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА ГЕНРИХА ГЕЙНЕ	46
<i>Емельянова А.М., Катюхин Д.Н.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО	49
<i>Исаева Л.А.</i> КОННОТАТИВНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО).....	51
<i>Капустина Ю.А.</i> КОМПОЗИЦИОННАЯ РАМКА КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. КУЗМИНА И И. СЕВЕРЯНИНА)	55
<i>Костромина Т.А.</i> СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	57
<i>Крофто А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ АГЕНТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ.....	60
<i>Макоедова Н.В.</i> ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ	62
<i>Максименко Е.Д.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМАТИКИ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО. ДЕТСКАЯ ТЕМА.	64
<i>Макимова М.В.</i> ПЕРЕВОД КАК «ЗЕРКАЛО» КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА	70
<i>Навицкайте Э.А.</i> ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ РЕЦИПИЕНТА В МЕДИАДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ	73
<i>Навицкайте Э.А.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ.....	76

Невежина Е.А. АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ БЕЛЬГИИ	80
Нурекешова Г.Р. THE PERCULARITIES OF TEACHING GRAMMAR THROUGH GAMES AT THE LESSONS.....	85
Озерова А.К. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЗДРАВЛЕНИЙ XIX И XXI ВЕКА	87
Петрова А.В. ПРОБЛЕМЫ ЭКРАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФСКОГО РОМАНА У. ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»).....	91
Прохорова А.Е. ДЕТЕРМИНАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА «РОССИЯ – АГРЕССОР» В РАМКАХ АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ИНОСТРАННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ).....	93
Прохорова К.А. КРИТЕРИИ УСПЕШНОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИНОКАРТИНЫ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВА «СТАРИК И МОРЕ»)	97
Рамазанова Л.Д. К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИИ ОЙКОНИМОВ АХТЫНСКОГО РАЙОНА ДАГЕСТАНА.....	100
Русланова Ю.В. РУССКИЕ ПРОНОМИНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С УКАЗАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ	104
Ткачева Ю.Г. СИНТЕЗ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ КАРТИН МИРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ	107
Товсултанова М.Ш. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В РУССКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	113
Толстикова Л.В. РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА).	117
Трегубов А.Н. ПОЛИСЕМИЯ С ПОЗИЦИЙ ЭТНОСЕМАНТИКИ	119
Хорошилова С.В. МОТИВ «ПРАВО» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	124
Хорошилова С.В. МОТИВЫ И ОБРАЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ	126
Цыбина Н.А. СТЕРЕОТИП РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ.....	129
Чубченко Я.О. «МОРСКИЕ» ИДИОМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	132
Чугунова Э.И., Рунтова Н.В. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	135
Шевелёва А.С. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «KIDULT» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ).....	138
Шелудько М.И. КРЫМСКИЙ ТЕКСТ А.С. ПУШКИНА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЯВЛЕНИЯ ФРОНТИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН»).....	141
Шишкина Т.С. РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ ИНТЕРВЬЮЕРА И ИНТЕРВЬЮИРУЕМОГО В ПОСТРОЕНИИ ДИАЛОГА	144
Шныптева К.А., Горяинова Е.Э. СТОЛКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ МИРОВ В ПОВЕСТИ АНТОНИЯ ПОГОРЕЛЬСКОГО «ЛАФЕРТОВСКАЯ МАКОВНИЦА»	147
Экомаскин В.А. ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТА.....	151

Среди указательных местоимений наиболее высокой фразеологической активностью характеризуется местоимение *тот* (*то, та, те*). В различных грамматических формах оно входит в состав 23 фразеологизмов. Например: *ни то ни се; ни с того ни с сего; еще тот; не из той оперы; не та музыка; не тот коленкор; того же поля ягода; не с того конца; выходец с того света; на том свете* и т.д. Данное местоимение употребляется, во-первых, в сочетании с местоимением *се* с целью указания на неопределенность объекта действия, например, в таких фразеологизмах: *то да се; пока то да се; ни с того ни с сего*. Во-вторых, это местоимение употребляется для указания на идентичность или неидентичность объектов [3]. Например, на идентичность объектов содержится указание в таких фразеологизмах как *того же поля ягода; крутить одну и ту же пластинку; за что купил, за то и продаю*. Неидентичность объектов указывается во фразеологизмах *не та музыка; не из той оперы; не с того конца; не на того напал*. В-третьих, местоимение *тот* используется для табуированного обозначения загробного мира. Чтобы назвать явления и действия, связанные с потусторонним миром, используются такие фразеологизмы: *отправлять на тот свет; на том свете; выходец с того света*. В противоположность наименованию загробного мира используется оборот *на этом свете*, использующийся для обозначения мира живых.

Рассмотрим подробнее некоторые фразеологические обороты с указательными местоимениями. Фразеологизм *платить / оплатить той же монетой* в значении 'отвечать тем же, такими же поступками, отношением, действиями' известен многим европейским языкам и связан с историей европейского средневековья, когда в хождении было множество разных монет. Собственные монеты выпускались не только каждым королем, но и крупными городами, сеньорами, епископами и т.п. Было и немало фальшивых, низкопробных в прямом смысле монет. Поэтому при расплате кредитор нередко для «страховки» требовал деньги той же монетой, которая им ссужалась. В русском языке выражение распространилось с XIX в., возможно, это калька с французского [1, с. 416]. Местоимение в составе данного фразеологизма указывает на идентичность объектов.

Устаревшее местоимение *сей* содержится во фразеологизме *да минует чаша сия*, имеющем значение 'пусть не коснется кого-либо эта беда, горькая участь, неприятность и т.п.' Выражение взято из Евангелия: это слова Иисуса, произнесенные им во время молитвы в ожидании казни на кресте (Матф., 26, 39; Лука, 22, 42; Марк, 14, 36) [1, с. 774]. Наличие устаревшего местоимения придает обороту возвышенность.

Сразу несколько указательных местоимений входит в состав фразеологизма *одна нога здесь (тут), другая (вторая) там*, имеющем значение 'как можно скорее, моментально (побывать где-либо, сделать что-либо)'. Благодаря местоименному указанию на противоположные элементы пространства создается семантика быстроты действия или перемещения в пространстве, т.е. местоимения в составе данного оборота являются основными строительными компонентами семантики.

Таким образом, лексико-грамматический разряд указательных местоимений не является наиболее фразеологически активным, но в составе русских ФЕ местоимения данного разряда помогают формировать целый ряд значений: указание на неопределенность объекта действия, указание на идентичность или неидентичность объектов, обозначение загробного мира; использование антонимичных местоимений создает семантику быстроты действия.

Список литературы

1. Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи / В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович. М.: Астрель, 2005. 853 с.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И. Федорова. В 2-х т. М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 391 с., Т. 2. 396 с.
3. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р.Х. Хайруллина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 285 с.

СИНТЕЗ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ КАРТИН МИРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Ткачева Ю.Г.

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко,
Луганская Народная Республика, г. Луганск

В статье дифференцированная картина мира рассматривается как один из ключевых факторов для адекватного восприятия и перевода художественных текстов, содержащих лексические единицы с национально-обусловленной и культурной спецификой. Синтез дифференцированных картин мира в процессе решения переводческой задачи достигается посредством выстраивания когнитивно-дискурсивных стратегий.

Ключевые слова: картина мира, перевод, лингвокультура, иная ментальность, межкультурная коммуникация, концепт.

Для моделирования лингвокультурной специфики определенного общества важным является понятие картины мира, в особенности языковой картины мира. В данном случае под картиной мира понимают выделение, фрагментацию, освоение действительности, совокупность признаков, свидетельствующих об этнокультурной своеобразии народа. Понятие «картина мира» достаточно активно используется в разных науках. Однако, глубоко укоренившись среди «рабочих» понятий многих наук, данное понятие, до определенной степени, остается метафорой, при этом, не всегда получая достаточно четкое и однозначное толкование даже среди специалистов одного профиля. По мнению многих исследователей, любое толкование понятия «языковая картина мира» не может претендовать на абсолютную ценность, поскольку это не «реалия, существующая объективно, а умозрительное построение, использованная ее творцами для решения каких либо теоретических или практических задач» [5, с. 4]. Наиболее оптимальным на наш взгляд, является определение картины мира, которое дает И. Б. Штерн, «кар-

тина мира – это способ отражения реальности в сознании человека, который реализуется в восприятии этой реальности сквозь призму языковых и культурно-национальных особенностей, свойственных определенному языковому коллективу; интерпретация окружающего мира по национальным и концептуально-структурным канонам» [10, с. 156].

Представления о языковой концептуализации мира, которая является специфической для каждого отдельного языка и отражается в особенностях культуры носителей этого языка, не является сейчас чем-то новым. Представления подобного рода восходят еще к идеям В. фон Гумбольдта, который писал: «Обозначение отдельных внешних и внутренних предметов глубоко влияет на чувственное восприятие, фантазию, чувства и посредством взаимодействия этих явлений – на характер в целом, поскольку в данном случае действительно объединяются природа и человек, действительно материальное вещество и дух, формирующий его. Это объясняется тем, что человек, познавая природу, приближается к ней и постепенно вырабатывает свое внутренне восприятие в соответствии с тем как, и в какие отношения человек и природа вступают друг с другом, и это находит свое отражение в языке» [3, с. 36]. Идеи В. фон Гумбольдта в 30-е годы XX века нашли свое воплощение в рамках гипотезы Сепира-Уорфа – гипотезы лингвистической относительности. Данная гипотеза, «с одной стороны, связывает структуру языка с национально и культурно обусловленными структурами мышления в сознании носителей языка, а с другой – выводит когнитивные модели и картины мира в сознании носителей разных языков, сквозь призму которых, носители языка овладевают миром и членят его, то есть формируют понятия и связи между ними» [10, с. 68]. Как показывает опыт и практика современной лингвистики, эти идеи вновь получили широкое освещение в работах таких авторов как: А. Вежбицкая, Ю. Караулов, Н. Арутюнова, Ю. Апресян, В. Руднева, А. Шмелева и др. «Современные методы изучения семантики показывают, что значение большого количества лексических единиц включает в себя лингвоспецифические конфигурации идей» [9, с. 12]. При этом не редко оказывается, что эти конфигурации смыслов соответствуют определенным представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для взглядов на мир определенной нации.

Для лингвистического подхода важной является оппозиция двух типов картин мира – «научной» и «наивной». «Научная» картина мира «связана с таким восприятием мира, которое опосредованно научными знаниями, «наивная» же картина мира формируется в сознании носителей языка в процессе непосредственного познания реального мира под влиянием и в категориях его национально-языкового, исторического и культурного опыта» [10, с. 157].

«Наивная картина мира» как объект «обыденной действительности отображается фрагментарно в лексических единицах языка, однако сам язык этот мир не отражает, он отражает лишь способ представления (концептуализации) этого мира национальной языковой личностью. Образ мира отображается не только в соответствии с данными языковой семантики, его фактура

сплетается «преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинации предметов, явлений и их свойств, и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного естественного языка» [1, с. 67].

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. «Совокупность представлений о мире, содержащихся в значении разных слов и выражений этого языка, складывается в какую-то единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается как обязательная для всех носителей языка» [4, с. 9]. Такая облигаторность объясняется тем, что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в «неявном виде», так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек сам того не замечая, принимает сложившийся у них взгляд на мир. Наоборот, «смысловые компоненты, входящие в значения слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, которые формируют картину мира» [4, с. 9]. Так из русской поговорки «*Любовь зла, полюбишь и козла*» нельзя сделать никаких выводов о месте «любви» в русской языковой картине мира, а можно лишь допустить, что «козел» выступает в ней как малопривлекательное существо.

Владение языком предусматривает владение картиной мира, отраженной в языке. «Поскольку конфигурации идей, заложенные в значениях слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь» [4, с. 9]. Однако при сопоставлении разных языковых картин мира выявляются значительные различия между ними, причем, иногда достаточно нетривиальные (так, носителям русского языка русского языка, привыкшим к тому, что интеллектуальная жизнь человека связана с головой, а эмоциональная – с сердцем, покажется странным, что для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь сконцентрирована в печени).

Знакомство с любой культурой, ее изучение всегда будет не полным, если в поле зрения этого человека не окажется такой основополагающий компонент, как способ мышления нации, национальная логика мировосприятия и мирооценка. Как писал Г. Гачев: «...какой сетью координат» этот народ ловит мир, соответственно, такой и космос (в древнем понимании слова: как устройство мира, миропорядок) выстраивается перед его глазами. Этот особый «поворот», в котором предстает бытие данного народа, и составляет национальный образ мира» [2, с. 77].

Язык – неотъемлемая и важнейшая часть любой культуры, полноценное знакомство с которой предусматривает не только изучение материального состава данной культуры, не только знания ее исторического, географического, экономического и других детерминант, но и попытку проникновения в образ мышления нации. Сделать это можно лишь только познав язык, на ко-

тором говорят представители этого культурного социума. Знание языка означает не просто способность решать при помощи этого языка определенные коммуникативные задачи, но и глубокое проникновение в план означаемого этого языка, предусматривающего овладение языковой картиной мира именно этого национального языка как системой виденья мира.

Языковая картина мира формируется посредством системы ключевых концептов и инвариантных ключевых идей, которые их связывают и дают «ключ» к ее пониманию. Так, по мнению многих исследователей (О. Леонтович, Г. Зализняк, А. Шмелева), ключевые для русской языковой картины мира концепты вмещаются в таких словах как «душа», «судьба», «тоска», «счастье», «разлука», «справедливость», (именно эти слова также могут называться ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются «лингвоспецифическими» [4, с. 10], в том смысле, что им очень сложно подобрать лексические аналоги в других языках. Наряду с такими культурно-значимыми словами-концептами к лингвоспецифическим также относятся любые слова, значения которых включают какую-то важную именно для данного языка (ключевую) идею. То, что определенная идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой – тем, что именно эта категория слов сложнее других переводится на иностранные языки. Их переводные аналоги не являются полными эквивалентами именно из-за отсутствия в их значении этих специфических для данного языка идей. При этом часто в языке наряду со специфическим словом есть и его «нейтральный» синоним, и он достаточно точно переводится на другие языки. Так, например, в русском языке есть практически синонимичные слова «собираться» и «намериваться» (что-то сделать). Первый из синонимов является лингвоспецифическим и трудно поддается переводу, а второй – нет. Аналогичным образом связываются и такие пары синонимов как: *постараться* и *попытаться* (что-то сделать); *стыдно, жалко, обидно* (ехать) [4].

Как правило, исследуя языковую картину мира, лингвисты, прежде всего, обращают внимание на лексический фонд языка, который выступает как «верхний слой» лингвокультуры [6, с. 121]. Лексические единицы – это тот поверхностный пласт языка, культурная специфика которого наиболее очевидна. Однако они, как уже отмечалось ранее, не исчерпывают всего набора средств, согласно которым осуществляется национально-культурная дифференциация языковых картин мира. Это объясняет, почему усвоение лексического фонда иностранного языка с отрывом от культуры, как правило, не приводит к кардинальной трансформации картин мира: коммуникант всего лишь использует иностранные слова для выражения собственного уже имеющегося виденья действительности. «Выучив иностранное слово, человек как бы вытягивает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается соединить его с уже имеющейся в сознании картиной мира, заданной родным языком» [8, с. 48]. Неспособность объединить «кусочки мозаики» во время межъязыковых контактов, визуализировать объ-

ект, обозначаемый словом, становится результатом неправильных интерференций и ошибочных переводов культурных реалий.

В процессе межкультурных контактов, в том числе и при переводе художественного произведения, возникает столкновения разных картин мира. Человек, который сталкивается с чужим культурно-языковым пространством, владеет индивидуальным образом мира, который не полностью совпадает с языковой картиной мира, существующей в этой лингвокультуре. Первое, что врежется ему в глаза, – это природные и созданные человеком объекты, не имеющие аналогов в родной культуре коммуниканта. Слово, именующее инокультурную реалию, не вызывает никаких ассоциаций в сознании человека, который никогда не видел соответствующего объекта. «С другой стороны, увиденный, но именованный объект также не будет иметь своего места в языковой картине личности» [7, с. 122]. Но даже если предмет правильно идентифицируется и именуется при помощи языка, этого не достаточно для того, чтобы он органично вписывался в картину мира индивида. Одни и те же объекты в разных культурах могут иметь разный вид и выполнять разные функции.

Для адекватной межкультурной коммуникации необходимо соответствие картин мира участников коммуникации. Перемещение в новое культурно-языковое пространство «требует от иноязычного коммуниканта коррекции собственной картины мира и проведения ее в соответствие с измененными условиями» [6, с. 139]. Например, русскоязычному переводчику, который работает с текстом на английском языке, необходимо учитывать многочисленные различия в картинах мира этих языков. Переводчику необходимо принимать во внимание разницу в концептуализации и категоризации действительности, которые характерны для русской и американской лингвокультур, и проявляются в рассмотрении мира с точки зрения категории рода. Например, характеристика животных – героев сказок согласно полу, предложенная американцами, в корне отличается от русской картины мира: «fox» – мужского рода («лисица-сестричка» – женского); «squirrel» – мужского рода («белка»); «snake» – мужского рода («змея»), при выявлении сборности, совокупности и множественности (так, одному русскому слову «стая» соответствует много английских лексем: «a rafter of turkey» (стая индеек), «a gaggle of geese» (стая гусей), «a chatter of choughs» (стая клушиц), «a bevy of quails» (стая перепелок), «a fall of woodcocks» стая вальдшнепов, «a covey of grouse» (стая куропаток), «a watch of nightingales» (стая соловьев), «a pack / a route of wolves» (стая волков), «a pride of lions» (стая львов).

Возможность разного членения и категоризации действительности выявляется в процессе сопоставления объектов и их характеристик. «Объекты существуют не сами по себе, а в соотношении друг с другом, поэтому такие понятия, как большой – маленький; близко – далеко; новый – старый, – являются относительными. Кроме того, необходимо помнить, что антонимы хороший – плохой, короткий – длинный, бедный – богатый, в своей семантике уже содержат национально обусловленные критерии, которые могут различаться от культуры к культуре» [7, с. 140]. Так, понятия *близко* – *далеко*

отличаются для жителей разных стран. То, что считается расположенным далеко в маленьких странах, воспринимается как расположенное близко в больших государствах. Среди других отличий между русской и американской лингвокультурами О. Леонтович выделяет такие: разница в восприятии времени. Американской культуре прагматичной по своей природе, свойственна абсолютизация организации времени ради самой организации, а не осуществляемых ею функций, тогда как для русской культуры характерным является известный хаос, неупорядоченность времени, попытки одновременно выполнять несколько заданий, при этом наблюдается большая склонность уделять время креативным видам деятельности и личному общению. Категория пространства, также является относительной и культурно обусловленной; отсутствие совпадения в языковом членении цветового спектра, разница в восприятии количественных и качественных характеристик действия (русская категория вида и английская категория аспекта глагола) и другие отличия.

В начале знакомства с новой лингвокультурой картина мира неопределенна, расплывчата и размыта. Ориентирами, позволяющими индивиду «найти себя» в новом культурно-языковом пространстве, выступают универсальные явления – то общее, что объединяет взаимодействующие культуры. Известный лингвист А. Леонтьев писал: «Мы можем воспринимать как целое предметный мир только при условии, что в нем есть что-то постоянное, опорные элементы, отраженные в нашем сознании в виде образов «низшего порядка» – образов предметов и ситуаций, константных в сравнении с образом мира. Чтобы образ мира изменился, в нем должно быть что-то относительно неизменное [46, с. 139]. Когда речь идет о переходе с одного языка на другой в процессе межкультурной коммуникации (за исключением художественного перевода), роль инвариантных элементов языковой картины мира выполняют межъязыковые эквиваленты, которые обозначают предметы и явления, общие для взаимодействующих культур.

Итак, для адекватного восприятия переведенного художественного произведения переводчику как представителю другой культуры необходима коррекция его языковой картины мира, которая правильно отражает культуру исходящего языка, представленную в языковой картине мира автора произведения. При этом происходит не подмена одной картины мира другой, а смещение родной и вновь осваиваемой картин мира, а также расширение горизонтов сознания.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс, 1995. – 480 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
4. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : Сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с. – (Язык. Семиотика. Культура).